

карануз в сырной лавке

— И вот отсюда я тоже что-нибудь возьму.

Мой взгляд блуждает по бесчисленным видам сыра на прилавке рыночного ларька. Тут полным-полно деликатесов.

— ...С зеленью, фисташками, трюфелями, боровиками, — бормочу я про себя, изучая этикетки.

Господи, да как же тут выбрать?

— А из чего этот творожный сыр? — спрашиваю я у продащицы, чтобы потянуть время.

— Из козьего молока. Здесь все из козьего молока. Другого у нас нет.

Я с удивлением поднимаю глаза и заглядываю в веснушчатое лицо, которое все еще хранит следы летнего загара.

— Козы на Люнебургской пустоши? — спрашиваю я. — Я думала, здесь водятся только овцы.

Веснушки на лице женщины пускаются в пляс.

— Нет, — весело качает головой она, — здесь еще живет сто пятьдесят коз, моих коз. Они дают молоко, а мы из него делаем вот этот сыр.

Широким и грациозным взмахом руки женщина указывает на прилавок. Затем слегка касается фотоколлажа, висящего позади. На изображении резвится целая армия белоснежных коз: с высоко поднятыми головами и рогами, бахромчатыми бородками и внимательными глазами. Козы смотрят в камеру радостно, даже излишне любопытно.

— Это новый хлев открытого типа, который мы построили в прошлом году, а вот на этой фотографии, — указательный

палец женщины заскользил по пестрому коллажу, — козы па-
сутся летом на пастбище.

Я несколько раз киваю и тихо восклицаю:

— Вау!

— А это я!

Вдруг откуда-то из самых глубин лавки выскакивает ма-
ленькая девочка. Она вытягивается всем телом и энергич-
но поднимает вверх указательный палец:

— Это я, когда была маленькой!

Девочка становится на цыпочки и достает до фотогра-
фии, на которой посреди стада коз виднеется красная дет-
ская коляска. Мы с продавщицей смеемся.

— Точно. — Женщина нежно, почти с наслаждением
гладит ребенка по каштановым волосам. — Это ты, когда
была маленькой.

— Мама, — девочка прильнула к матери, запрокинув го-
лову, — у нас осталась коляска?

— Да, Валери, она на чердаке, а что?

— Она ведь понадобится нам, когда у меня появится се-
стренка.

Хозяйка ста пятидесяти коз на секунду закатывает глаза,
усмехается и переводит взгляд на меня.

— Она только об этом и говорит. Валери больше всего
на свете мечтает о сестре.

— А что, — я заговорщически подмигиваю малышке, —
это вполне можно устроить.

Валери одаривает меня восторженной улыбкой, и я за-
мечаю у нее между зубов широкую щербинку. Наверное,
только-только пошла в первый класс, потеряла первые мо-
лочные зубы — и от этого выглядит еще милее. Что за оча-
ровательное создание! Девочка тоже загорелая, в ярком лет-
нем платье в полоску.

— Мама... У меня же будет сестренка?

Что-то в ее голосе вдруг трогает меня. Эта легкая дрожь.
Эта просьба, мольба об исполнении заветного желания.
Комок подступает к горлу, я быстро опускаю взгляд. Как

часто я и сама так стояла перед родителями. Раньше я так же сильно мечтала о сестре.

— Валери, мне нужно работать. — Решив не продолжать разговор, молодая мама наклоняется, смахивает дочке волосы со лба и целует ее. — Поиграешь еще немного в пони-ферму?

Малышка послушно исчезает за прилавком.

— Только не наступи снова на Беллу и Люси! — доносится снизу.

— У нее с собой игрушечные лошадки, — объясняет мама. — Сегодня мне, — она наклоняется вперед и чуть тише добавляет: — Пришлось взять Валери с собой на работу.

— Вот оно как, — я понимающе киваю и снова возвращаюсь взглядом к витрине. — С выбором сыра я дальше так и не продвинулась.

— Возьми с зеленью, — раздается снизу голос Валери, — мне он нравится.

— Ну, раз так, — я чувствую облегчение, что выбор сделан, — тогда мне творожный сыр с зеленью, пожалуйста.

Я в предвкушении наблюдаю, как это сокровище отправляется в мою корзину. Там уже ожидают изысканный полутвердый сыр, изрядный кусок бри и камамбер.

— Что-нибудь еще?

Я отрицательно качаю головой и, пока хозяйка подсчитывает сумму, незаметно разглядываю ее. Сколько ей лет? Под тридцать? Или немного за тридцать? В любом случае она совсем молода. И при этом у нее уже есть своя козья ферма. И прелестная дочка. Удивительно!

Я снова смотрю на коллаж и вижу фотографии из сыроварни: блестящие стальные смесительные чаны, погреб для созревания сыра с длинными деревянными полками и ящики, доверху заполненные готовой продукцией.

— С вас двадцать три евро.

Я роюсь в сумочке в поисках кошелька.

— Что, коза, снова обираешь бедных туристов?

Я удивленно оборачиваюсь и вижу мужчину с окладистой бородой. Кто это?

— Не называй меня так, Клас, это неприлично, — возмущается женщина, на что мужчина лишь довольно ухмыляется. — Иди уже, тебе давно пора спать.

— Слушаюсь! — мужчина прикладывает руку к козырьку кепки и стремительно удаляется.

Я растерянно смотрю, как рослая фигура исчезает среди покупателей, а вслед за мужчиной семенит крошечная такса. Забавная пара!

— Кто это? — спрашиваю я.

— Это Клас — самый нахальный и самый лучший пекарь в городе. Да что там в городе! Во всем нашем округе! Каждый день он встает в четыре утра, чтобы испечь хлеб, а днем снова ложится спать.

— Понятно.

Я отсчитываю мелочь и вместе с двумя купюрами протягиваю через прилавок:

— Без сдачи, спасибо.

Я собираюсь попрощаться, на секунду поднимаю руку и уже разворачиваюсь, как вдруг вспоминаю:

— Ах да, а где пекарня этого... Класа? Хочу прикупить что-нибудь к сыру.

— Мимо ратуши, потом все время прямо, не заблудитесь.

Я благодарю женщину и пристегиваю корзину с покупками к своему арендованному велосипеду. «Не очень надежная конструкция, — думаю я, глядя на нагруженный багажник, — но должна выдержать».

— Передавайте от меня привет малышке, когда снова объявится! — кричу я продавщице и, спотыкаясь, толкаю велосипед по мостовой Люнебурга.

«Остановиться здесь на пару дней и отдохнуть было хорошей идеей, — размышляю я. — Как же прекрасен этот маленький ганзейский город, от него так и веет спокойствием». Я поднимаю глаза и окидываю взглядом фасады зданий. Кажется, почти каждое из них — исторический памятник. Здесь, в старом городе, один кирпичный дом краше другого. Многие фронтоновые постройки, как и кривые

улучки, сохранились еще со времен Средневековья. Я узнала об этом вчера, когда прямо под окнами квартиры, в которой я поселилась на время отпуска, остановилась группа туристов. Даже подслушивать не пришлось: через открытое окно на кухне я прекрасно могла разобрать каждое слово. Так я и узнала о рынке, который работает по средам и воскресеньям рядом с исторической ратушей.

«Полезная информация», — вспоминаю я теперь. Вдруг из мыслей меня вырывает телефонный звонок. «Пожалуйста, только не по работе, — молю я, — дайте мне еще немного насладиться отпуском».

Я спешно прислоняю велосипед к стене ближайшего дома и свободной рукой копаюсь в набитой покупками сумке. После трех сигналов я наконец нахожу эту проклятую штуковину. К счастью, на дисплее светится совершенно безобидное «Бетти».

— Рада тебя слышать! — приветствую я подругу.

— Хэй, Фрауке, где я тебя застала на этот раз? Нью-Йорк, Берлин, Токио?

— Нет, я в Люнебурге.

— Чего?

— В Лю-ю-юне-е-ебу-у-урге, — повторяю я чуть громче.

— Прости, а где это?

— К югу от Гамбурга. Может, слышала о Люнебургской пустоши, степных овцах и вереске?

На том конце провода тишина. Потом раздается смешок:

— Но, Фрауке, это ведь провинция. Что ты там забыла? Ты же горожанка до мозга костей, а не какая-нибудь фермерша с пустоши.

«Бетти в своем репертуаре», — думаю я с улыбкой и прислоняюсь рядом с велосипедом к кирпичной стене. Чувствую приятное тепло: конец сентября — но солнце нагрело стену.

— Ах, это долгая история... я... в общем... так вышло, что... — я начинаю запинаться, но беру себя в руки. — Короче, я в отпуске.

— Все в порядке? Юстус с тобой?

— Нет, а почему ты спрашиваешь? У меня все отлично. Солнце светит, настроение просто прекрасное.

— Позволь-ка подытожить. Во-первых, ты в деревне. Во-вторых, в отпуске. В-третьих, без мужа. Ты! — Бетти делает глубокий вдох. — Это странно! Это не похоже на мою подругу Фрауке!

— У меня правда все хорошо, не переживай.

Последние слова я произношу чуть громче, потому что на улицах Люнебурга становится шумно.

— Что происходит? Я ничего не понимаю...

И в этом Бетти права, ведь ровно в полдень из ратушной башни прямо напротив раздается звон карильона.

— Мейсенский фарфор! — кричу я в трубку, поднося телефон прямо к губам; это я тоже подслушала вчера у экскурсовода. — В Люнебурге есть карильон из мейсенского фарфора, он звонит три раза в день.

Из трубки доносится многозначительное «Ага», а потом:

— Фрауке, не считаешь ли ты, что я...

Бабах! Оглушительный грохот отвлекает меня от телефонного звонка. Камамбер, а вместе с ним два яблока, морковь и красная луковица падают на землю и катятся по мостовой.

— О нет, Бетти, извини, я перезвоню!

В следующую секунду я завершаю звонок и спешу за своими покупками. Черт, моя конструкция все же оказалась ненадежной. Я быстро поднимаю корзину и начинаю подбирать с земли упавшие продукты. Хочу взять последнюю морковину, но тут меня опережает собака.

— Дереза! Дереза, фу, ну-ка брось!

Я с удивлением смотрю на проворного мужчину и еще более быструю таксу.

— Вот дрянь! — Человек останавливается, а бегущая перед ним собака с высоко поднятой головой скрывается в угловом доме, прихватив с собой морковку. — Это животное когда-нибудь сведет меня с ума.

Мужчина — по-видимому, хозяин таксы — оборачивается, глядя на небо. Теперь я узнала его: это Клас, пекарь

с окладистой бородой. Вначале я порываюсь сказать что-то а-ля «Каков пастух, таково и стадо», но сдерживаюсь и медленно поднимаюсь.

— Все не так страшно, это всего лишь морковка, — пытаюсь я унять его злость, а затем в качестве примирения добавляю: — Вы что, плохо кормите свою собаку?

Шутка вышла доброжелательной и вежливой, как я и привыкла.

— Чушь, — звучит в ответ его грубая и единственная реакция.

«Просто замечательно, — думаю я с возмущением. — Очарование явно не его конек».

Тем не менее этот тип поднимает велосипед и протягивает мне руку для рукопожатия. Потом, не попрощавшись и не извинившись, уходит.

— Шовинист, — не удержавшись, бормочу я вполголоса.

— Я все слышал, — бросает мужчина через плечо.

«Какой наглец. Продавщица на рынке была права: он просто чурбан. Попадись он мне на работе, я бы разнесла его в пух и прах», — подумала я с вызовом, решительно толкая велосипед. Я тренер по коммуникациям, и с тех пор как я начала работать на себя, уважительное отношение и осмотрительная вежливость стали моими фишками. Ни одним из этих качеств этот человек не обладает! Ни одним! О хороших манерах он и не слышал. А самое ужасное, что он этого даже не замечает! Таким, как он, чужда и неуверенность в себе, и саморефлексия. Такие люди по жизни идут напролом как танки и чувствуют себя при этом просто отлично. Высокомерные эгоисты, которые...

Вдруг мне в нос ударяет восхитительный аромат, вытесняя прочь мысли, уже начавшие выводить меня из себя. Витаящий в воздухе запах не спутать ни с чем другим. Запах свежего хлеба!

Я вспоминаю о своей покупке и представляю, как ломтик козьего сыра ложится на хлебную корочку, чувствую

одновременно хруст и маслянистую мягкость... Боже мой, я просто сдаюсь перед лицом таких кулинарных изысков!

Конечно, я догадываюсь, что пекарня, от которой я только что потеряла голову, принадлежит Класу, этому наглому грубияну, которого мне пару минут назад хотелось хорошенько поколотить. И все же этот восхитительный аромат лишает меня всякой власти.

Как под гипнозом, я паркую велосипед — на всякий случай закрепляю его в специальной стойке — и попадаю в сказочную страну ароматов.

Мой муж Юстус точно сделал бы сейчас свое фирменное, слегка насмешливое выражение лица: брови приподняты, правый уголок губ втянут, взгляд устремлен куда-то вдаль. А потом, после небольшой театральной паузы, Юстус бы сказал: «Опять у тебя все мысли о еде. Тебе бы не помешало сбросить пару килограммов».

Да, именно так бы все и было, но Юстуса здесь нет, а я — в раю. Ведь я уже вижу его — широкий прилавок с великолепным домашним хлебом, аппетитно разложенным рядами прямо передо мной. Я сразу понимаю, какой хлеб лучше всего подойдет к сыру. К счастью, самого пекаря не видно.

— Мне, пожалуйста, вон ту небольшую буханку ржаного хлеба, — выпаливаю я продавщице, едва она успевает заметить меня.

— Да, конечно.

Женщина ловко заворачивает моего «хлебного фаворита» в коричневую упаковочную бумагу со странными дырочками.

— Лучше хранить хлеб в этой упаковке, так он дольше останется свежим, — объясняет она, заметив мой скептический взгляд. — Мы сами придумали эту упаковку.

— Очень интересно, спасибо.

Я беру протянутый сверток и кладу его прямо в корзину с покупками.

— А теперь, пожалуй, мне бы не помешало купить что-нибудь сладкое на вечер. Какие у вас есть пирожные?

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

